

Научная статья
УДК 008 (1–6)
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-106-120
EDN FJSHME

**Японский дискурс творчества Ф. М. Достоевского:
драма «Братья Карамазовы»**

Татьяна Иосифовна Ерохина

Доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
tatyaner@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению произведений Ф. М. Достоевского в современной японской культуре. Автор отмечает актуализацию творчества Ф. М. Достоевского в Японии, представленную в многочисленных переводах произведений писателя, а также в создании сериалов, мюзиклов, аниме по романам Ф. М. Достоевского. Предметом исследования становится японская версия прочтения романа «Братья Карамазовы» в аспекте современной массовой культуры. Отмечая специфику бытования классики в массовой культуре, которая стремится к стереотипизации и упрощению художественного текста, автор обращается к особенностям интерпретации романа в сериале. Апеллируя к режиссерскому замыслу, автор анализирует хронотоп сериала, в котором меняется время и пространство действия. Осовременивание времени и перенос действия в Японию способствует появлению игровых элементов освоения классики. Акцентируется внимание на трансформации системы персонажей, изменивших не только имена, но также статус и социальные роли. Проанализирована жанровая специфика сериала, система символов и музыкальная составляющая драмы. Киноинтерпретация романа представлена в двух планах: корреляции с текстом Ф. М. Достоевского и соотношении с контекстом массовой культуры. Отмечена специфика японского перевода текста романа, который лежит в основе экранизации и соответствует критериям современной массовой культуры. Японский дискурс творчества Ф. М. Достоевского не предполагает создания аутентичного тексту романа сериала, более того, авторы драмы сознательно отказываются от прочте-

ния в «Братьях Карамазовых» знаковых культурных кодов русской культуры, таких как религиозность. Представленная интерпретация романа Ф. М. Достоевского свидетельствует о процессе «присвоения» текста русской классики японской культурой и выстраивании новых уровней межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: «Братья Карамазовы»; Ф. М. Достоевский; японская культура; русский культурный код; межкультурная коммуникация; интерпретация; дискурс

Для цитирования: Ерохина Т. И. Японский дискурс творчества Ф. М. Достоевского: дорама «Братья Карамазовы» // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 106-120. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-106-120>. <https://elibrary.ru/fjshme>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

**The Japanese discourse of F. M. Dostoevsky's creativity:
The Brothers Karamazov series**

Tatiana I. Erokhina

Doctor of culturology, professor, head of the department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
tatyanaer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

Abstract. The article is devoted to understanding the works of F. M. Dostoevsky in modern Japanese culture. The author notes the actualization of the work of F. M. Dostoevsky in Japan, presented in numerous translations of the writer's works, as well as in the creation of serials, musicals, anime based on the novels of F. M. Dostoevsky. The subject of the study is the Japanese version of reading the novel "The Brothers Karamazov" in the aspect of modern mass culture. Noting the specifics of the existence of classics in popular culture, which tends to stereotype and simplify the literary text, the author refers to the peculiarities of the interpretation of the novel in the series. Appealing to the director's intention, the author analyzes the chronotope of the series, in which the time and space of action change. Modernization of time and the transfer of action to Japan contributes to the emergence of game elements of mastering the classics. Attention is focused on the transformation of the system of characters that have changed not only names, but also status and social roles. The genre specifics of the series, the system of symbols and the musical component of the drama are analyzed. The film interpretation of the novel is presented in two ways: correla-

tion with the text of F. M. Dostoevsky and correlation with the context of mass culture. The specificity of the Japanese translation of the text of the novel, which underlies the film adaptation and meets the criteria of modern mass culture, is noted. The Japanese discourse of F. M. Dostoevsky's work does not imply the creation of an authentic text of the novel of the series; moreover, the authors of the drama deliberately refuse to read the iconic cultural codes of Russian culture, such as religiosity, in *The Brothers Karamazov*. The presented interpretation of the novel by F. M. Dostoevsky testifies to the process of "appropriation" of the text of Russian classics by Japanese culture and building new levels of intercultural communication.

Key words: *The Brothers Karamazov*; F. M. Dostoevsky; Japanese culture; Russian cultural code; intercultural communication; interpretation; discourse

For citation: Erokhina T. I. The Japanese discourse of F. M. Dostoevsky's creativity: *The Brothers Karamazov* series. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):106-120. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-106-120>. <https://elibrary.ru/fjshme>.

Введение

Творчество Ф. М. Достоевского занимает в мировой культуре особое место: Ф. М. Достоевский по праву считается одним из самых читаемых русских писателей, его романы переведены на многие языки, о влиянии Ф. М. Достоевского на свое творчество говорили многие зарубежные авторы: Т. Манн и С. Цвейг, А. Жид и Ф. Кафка, Т. Драйзер и У. Фолкнер, Э. Хемингуэй и Н. Мейлер [Бессонов, 2005]. Современные критики отмечают, что «национальные перегородки, разделяющие иногда и враждебные взаимно страны, не существуют для победоносного движения Достоевского по Германии, Франции, Австрии, Англии, Италия, Испании, Америке, Японии» [Бережков, 2011].

Особое место Ф. Достоевский занимает в японской культуре. К. Рехо утверждает, что, начиная с конца XIX века, «произведения Ф. М. Достоевского прочно вошли в духовную жизнь японского общества» [Рехо, 1987, с. 150]. Многие исследователи считают, что культовым писателем Ф. М. Достоевского сделал Акира Куросава: «японский режиссер Куросава мог бы назвать себя новым Достоевским, если бы ему позволила сделать это присутствующая японцам скромность, – настолько фигура русского писателя была значима для режиссера. В своих интервью он говорит о глубокой мировоззренческой близости к Ф. М. Достоевскому и герою его романа «Идиот»: «Мои взгляды и психология похожи на взгляды и психологию героя “Идиота”. Может быть, поэтому я так люблю Досто-

евского» [Кончаловский, 2016]. Акира Куросава в 1951 г. экранизировал роман «Идиот», перенеся его действие в Японию, пытаясь донести до японских зрителей «дух» Достоевского [Макшеева, 2021].

В 1975 г. японский критик Кэньити Мацумото написал, что японцы «одержимы» Ф. М. Достоевским. И сегодня можно говорить о том, что романы Ф. М. Достоевского остаются одними из самых популярных в японской культуре: бестселлерами стали «Бесы», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». Сюжеты и образы этих романов лежат в основе фильмов и сериалов, мюзиклов, манга и аниме [Масагутова, 2017].

Японские писатели, преподаватели, критики активно пропагандируют творчество Ф. М. Достоевского: так, нобелевский лауреат Кэндзабуро Оэ «в статье в газете “Асахи” рекомендует молодому поколению взять в руки “Бесов”. Харуки Мураками среди трех самых важных книг в своей жизни наряду с “Великим Гэтсби” и “Долгим прощанием” приводит “Братьев Карамазовых”. В 2004 году выходит небольшое издание под названием “Книги, которые преподаватели Токийского университета рекомендуют первокурсникам” с последующим ежегодным обновлением. Не обновляется лишь высшая строка рейтинга – “Братья Карамазовы”, а всего Достоевский упоминается среди первой сотни 5 раз» [Волковский, 2008].

Самым востребованным романом в Японии стал роман «Братья Карамазовы» (отметим, что в зарубежном гуманитарном знании роман «Братья Карамазовы» также является одним из самых востребованных и изучаемых [Alert, 1995; Belknap, 1984; Bogndr, 1994; Faj, 1984; Miller, 1992; A New Word on The Brothers Karamazov, 2004]). Л. И. Сараскина отмечает, что «тираж “Братьев Карамазовых” с новым (уже восьмым!) переводом профессора Икуо Камэяма, превысил миллион экземпляров» [Федякина, 2013], в то время как «в России никогда сочинения Достоевского не издавались миллионами тиражами» [Федякина, 2013]. Более того, Икуо Камэяма написал продолжение романа Ф. М. Достоевского, объяснив свой литературный труд тем, что почувствовал себя Достоевским: «Когда я переводил, тоже почувствовал себя соавтором. Как будто я нахожусь с этим писателем в одной комнате, и он со мной разговаривает. А потом я почувствовал, что словно сам стал Достоевским. Но это понятно! Ведь у меня есть пять вариантов перевода. Я много раз все это переделывал. Я слился с этим образом» [Камэяма, 2008].

Еще одним знаковым явлением в современной японской культуре стала дорама «Братья Карамазовы», вышедшая в 2013 году.

Вслед за Акирой Куросавой режиссеры Дзюньити Цудзуки, Сёсукэ Мураками, Гэнта Сато перенесли сюжет и персонажей в

Японию, максимально приблизив ее к реалиям современной культуры. Обозначив в титрах название («Братья Карамазовы»), авторы поменяли не только время и место действия своего сериала, но и имена персонажей: перед зрителями разворачивается история семьи Куросава (выбор именно этой фамилии объясняется тем, что корень «куро» в Японии переводится как «черный»).

В центре внимания нашего исследования – особенности японской версии прочтения Достоевского в аспекте современной массовой культуры.

Дорама «Братья Карамазовы»: адаптация и/или интерпретация

Дорама «Братья Карамазовы» характеризуется рядом черт, раскрывающих, с одной стороны, специфику адаптации романа к современной японской культуре, с другой стороны, тенденции репрезентации классики в массовой культуре. Не останавливаясь специально на проблемах осмысления классики в контексте современной массовой культуры (в силу значительного количества исследований, посвященных данной теме [Злотникова, 2015; Ерохина, 2016; Коды массовой культуры ... , 2015]), отметим, что «русская классика в ситуации активизации “рыночных” процессов оказалась востребованной в разных своих качествах – аутентичных текстов, объекта интерпретации в иных видах искусства, “экспортно-

го продукта”» [Злотникова, 2008, с. 91].

Обратимся к японскому дискурсу «Братьев Карамазовых», который характеризуется рядом особенностей киноинтерпретации текста Ф. М. Достоевского.

Первой особенностью стало, как было отмечено выше, *изменение хронотопа*.

Обратим внимание на то, что «осовременивание» классики оказывается своего рода обязательным условием работы с классическим текстом в массовой культуре. Безусловно, подобный подход к классическому тексту имеет свои основания: во-первых, осовременивание подчеркивает универсальность, вечность тем и проблем, кодов, представленных в классической литературе (и делает это напрямую, что особенно важно для массовой культуры, неохотно работающей с подтекстами и многоуровневыми текстами). Во-вторых, в нашем случае, осовременивание связано с адаптацией русской классики к японской культуре, поскольку XIX век русской культуры, имеющих свои исторические и социокультурные особенности, воспринимается скорее как экзотика, в то время, как современная культура, для которой свойственны глобализация и мультикультурализм, даже в островную достаточно закрытую японскую культуру вносит определенный интернационализм, характерный для массовой культуры.

Автор идеи сериала, программный директор телеканала «Фудзи-ТВ» Сато Мисато отмечает: «"Братья Карамазовы" написаны в смутные годы назревавшей где-то на горизонте революции в России. Позже произойдут падение монархии и цареубийство. Мне кажется, что в основе романа лежало общее недовольство молодых людей того времени абсурдностью царящего порядка. В современной Японии тоже какое-то общее настроение тупиковости ситуации. Молодым людям все труднее найти работу. Они подвергают сомнению сложившиеся ценности. Когда задумываешься о том, что молодые японцы чувствуют по отношению к старшему поколению, к существующим устоям, – кажется, что они затаили что-то внутри себя, хотя не говорят об этом вслух, как это было и в конце XIX века в России. Они страдают, не зная, что можно предпринять, если подавить в себе стремление к "бунту" ... » [Федякина, 2013]. Именно этим замыслом обусловлено изменение не только времени, но и места действия: события разворачиваются в современной Японии.

Изменения хронотопа приводят к *трансформации системы персонажей* на уровне имен, рода деятельности, системы ценностей и взаимодействия, что стало второй особенностью японского дискурса «Братьев Карамазовых».

Так, глава семьи Бундзо Куросава является владельцем строительной компании «Куросава». Образ

его предельно заострен, гиперболизирован: он показан жадным и откровенным мерзавцем, чьи действия и методы ведения бизнеса, отношение к людям вызывают ненависть у жителей провинциального города Карасумэ. Старший сын от первой жены – Мицуру: безработный, погрязший в долгах, вспыльчивый, пьющий и ведущий разгульный образ жизни, мечтающий купить бар, живет вместе с женщиной (дочерью мэра) Эндо Канако. Средний сын – Исао – адвокат, закончивший престижный университет в Токио (на деньги отца, взятые под проценты), работает в крупной юридической кампании, успешный и состоявшийся, но безнадежно влюбленный в Эндо Канако. Младший сын – Рё – учится в медицинском университете и собирается стать психиатром.

Предложенная система персонажей разворачивается в двух планах. Первый план, который является ведущим – план Ф. М. Достоевского. Даже в именах героев мы обнаруживаем определенную ссылку на текст романа: имя Мицуру перекликается с Митей, Исао – с Иваном, имя Рё созвучно Алеше. Женские имена – Канако (Катя) и Куруми (Груня, Грушенька) также имеют аллюзии на героев Достоевского. А если обратиться к значению имен, то тоже можно обнаружить символику, объединяющую японские имена: Мицури – свет, Исао – честь и достоинство, Рё – доброта и прощение (Женские имена тоже имеют

свою символику: Канако – ребенок, Куруми – безумие).

Второй план – план массовой культуры, в рамках которого происходит адаптация романа Ф. М. Достоевского для современного зрителя: Иван становится адвокатом, потому что, по мнению Сато Мисато, «эта профессия способствует тому, чтобы герой задавался вопросами о том, что такое справедливость или как противостоять абсурдности общества. Обычные японцы не склонны дебатировать или дискутировать о чем-либо в повседневной жизни. А адвокатам приходится заниматься этим, хотя бы они того или нет. Адвокат не судит. Иван говорит: “Все разрешено”. В каком-то смысле адвокат и должен защищать обвиняемого, каким бы злодеем он ни был. Нет ничего необычного в том, что такой человек размышляет о смысле преступления, наказания или других парадоксов. Наоборот, как раз такое раздумье охватывает его целиком и приводит к растерянности...» [Федякина, 2013], Алеша готовится стать врачом, потому что эта профессия ближе к религиозным представлениям о милосердии и добре, в ней выражены христианские добродетели.

Третья особенность японской версии романа «Братья Карамазовы» – *жанровая специфика*. Жанровые особенности романа неоднократно становились предметом внимания философов и филологов, которые отмечали, что роман созда-

вался писателем под воздействием разных жанровых традиций: жития, притчи, детектива и др. [Солянкина, 2013]. А Вяч. Иванов называл ведущим жанром – трагедию, поскольку в романах Достоевского показана, прежде всего, трагедия личности [Иванов, 1914]. Японская экранизация берет за основу детективный сюжет романа, поэтому и в анонсе сериала обозначены два жанра: драма и детектив. Детектив заложен в тексте романа, но в телесериале он становится доминирующим жанром. Действие первой серии начинается с убийства главы семейства и выстраивается в традициях классического детектива: допрос членов семьи, запись допроса на камеру, внимание к поведению каждого члена семьи, раскрытие новых деталей, получение отпечатков пальцев и т. д. Более того, как детективная история представлен сюжет с четвертым сыном. И если в романе Ф. М. Достоевского «лакей» Смердяков дан нам изначально, то в сериале в предпоследней серии путем самостоятельных расследований и умозаключений, Рё и Исао обнаруживают своего брата (сына проститутки, который пришел, чтобы мстить). Сато Мисато отмечает, что Достоевский привлекает внимание захватывающим сюжетом: в начале романа написано: «отец будет убит – но ожидание убийства тянется долго, интригует. Это некрасивая мотивация для чтения, но это привлекает читателя: кто все же

совершит убийство? Пока сюжет держит внимание, проходят персонажи, каждый со своими идеями, что делает чтение еще увлекательней» [Федякина, 2013].

«Достоевский-лайт» в контексте японской культуры

Отметим, что японский вариант интерпретации текста Ф. М. Достоевского изначально не ставил перед собой цель представить зрителям аутентичную версию романа русского писателя. Поэтому в экранизации отсутствуют традиционные русские культурные коды, представленные в «Братьях Карамазовых». Прежде всего, это культурный код, который приобретает особое значение не только в контексте русской культуры, но и в творчестве Ф. М. Достоевского: из драмы почти полностью уходит религиозная проблематика.

Авторы сериала это осознают и объясняют тем, что для японского зрителя православие – тема далекая и непонятная: «в оригинале большое идейное место занимает русское православие. Оно никак не сочетается с культурным фоном современной Японии. Но современному тридцатилетнему японскому читателю книга интересна и без глубокого знания о русском православии. Может быть, это неверная трактовка. Я начала думать о том, какие ценности представляло русское православие в обществе России того времени и искать для каждой из них эквивалент в совре-

менной Японии. Например, легенда о Великом инквизиторе, в которой Христос противится этому демоническому персонажу. Для телезрителей, которые сидят дома с чашкой чая, это непонятно. Но эпизод важен, и я решила пересказать его иначе – без Христа и без черта. Придумала сцену, в которой младший брат Ре возлагает цветы на могилу отца» [Федякина, 2013]. Отметим, что, таким образом, происходит буквально перекодировка русского культурного кода – японским: «я передала мысль, заложенную в оригинале в том виде, который согласуется с системой, бытом и религиозным мироощущением современных японцев. В японском обществе сейчас нет главенствующих религиозных институтов. Но если говорить о религии как духе справедливости, любви к человеку или готовности простить другого человека, то это во многом близко общей японской этической норме. Необязательно изображать младшего брата в виде, скажем, буддийского монаха. Важна не форма, а его готовность верить в человека» [Федякина, 2013].

Как следствие в драме «Братья Карамазовы» отсутствует не только поэма о Великом Инквизиторе, но и один из главных персонажей: старец Зосима. В японской версии он заменяется профессором-наставником Рё, с которым студент-медик ведет беседы и которого оплакивает, поскольку профессор умирает в больнице от сердечного приступа.

Вместе с тем отметим, что ссылки на религиозную символику в сериале все же присутствуют: в начале каждой серии, которая по правилам дорамы начинается с краткого содержания того, что было в предыдущей серии, на экране настойчиво повторяется один и тот же кадр: мертвый глава семейства, лежащий на кровати с окровавленной головой в позе распятого Христа.

В сериале также мало внимания уделяется сопоставлению и противостоянию женских персонажей: и Канако (Катя), и Куруми (Груня) не смогли передать сложность и противоречивость женского русского характера в его крайностях и отчаянии, всепрощении и любви.

Еще одной особенностью японского дискурса дорамы в контексте массовой культуры стало музыкальное сопровождение сериала. Критики справедливо обращают внимание на то, что для создателей дорамы «последний роман Федора Достоевского – не что-то из русской классики, а что-то из классики европейской. Об этом свидетельствует музыка: здесь и Сен-Санс, и Равель, и Pink Floyd, Led Zeppelin и Nirvana. В одной из серий звучит песня The Rolling Stones – Paint it Black – про фамилию Карамазов (все черное)» [Енцов, 2013]. Музыкальное сопровождение не только осовременивается, оно выводит сюжет и символику сериала на уровень нового мультикультурного диалога, в котором соединяются

русская культура и японская, европейская и американская.

Впрочем, отметим, что в дораме появляются отсылки (иронично-остроумные) к русской культуре: так, в предпоследней серии слуга (Смердяков) предлагает Исао выпить русского чая, к которому подается вишневый джем.

Вместе с тем, японский сериал имеет ряд несомненных достоинств. Прежде всего, как это не парадоксально, в дораме представлено довольно бережное отношение к тексту и общей линии романа (характерные черты персонажей узнаваемы и вполне соотносятся с принятыми в отечественном литературоведении представлениями о главных героях).

Необходимо остановиться на символике сериала, акцентирующей внимание на традиционной для отечественного восприятия поэтике Ф. М. Достоевского. Так, авторы дорамы акцентируют внимание на портрете (огромной фотографии) отца семейства, который начинает играть доминирующую роль: с ним разговаривают персонажи после смерти отца, он остается безмолвным свидетелем всего, что происходит в доме при жизни и даже после смерти Бундзо Куросавы. Особым символом, который часто появляется в кадре вместе с Исао, становится зеркало. Обозначая тему двойничества (ведущую тему творчества Ф. М. Достоевского), режиссеры делают зеркало постоянным спутником сомнений Исао и символом по-

иска. Исао вглядывается в зеркало и обнаруживает в нем себя в страшном неприглядном виде, понимая, что отец внутри него. Обращает на себя внимание один и тот же повторяющийся жест Исао: когда он чувствует давление отца, он непроизвольно начинает класть руку себе на плечо, то ли пытаясь избавиться от этого давления, то ли проверяя, нет ли на плече руки отца. Кульминацией этого жеста становится эпизод, когда, глядя на себя в зеркале, Исао видит на своем плече некую черную тягучую массу: она начинает расползаться по его телу, голове, он в ужасе пытается от нее избавиться – и сразу вспоминается Черт Достоевского, который донимал Ивана Карамазова. Есть в фильме и почти готическая символика: постоянно появляющиеся в кадре каркающие вороны, черно-белые воспоминания героев. Видимо, это черты, соответствующие также замыслу авторов сериала, заявивших, что они решили «сделать из “Братьев Карамазовых” увлекательную историю в жанре саспенс» [Федякина, 2013]. Появляются в дораме и более характерные и понятные японской культуре темы, например, ведущей темой становится тема мести.

Финал сериала остается открытым: старшего брата признают невиновным, что тоже стало вариантом адаптации сюжета к современной ситуации. Авторы отмечали, что «с учетом современной системы правосудия Японии, его сложно признать виновным. У Достоевско-

го в конце романа братья затевают побег Дмитрия. В нашей драме младшие братья всячески пытаются перевернуть обвинение, чтобы доказать невиновность старшего» [Федякина, 2013].

Перед нами, безусловно, вариант прочтения классики в аспекте массовой культуры. Как отметил один из критиков, мы сталкиваемся с вариантом «Достоевский-лайт», что кстати обусловлено и новым переводом текста романа «Братья Карамазовы», который, как считают критик, тоже является вариантом «лайт» [Волковский, 2008]. С. Волковский считает, что «преданные Федору Михайловичу филологи-русисты считали своим долгом доподлинно воссоздавать в японских переводах тяжесть и замысловатость грамматических и лексических построений оригинала. Добавьте сюда малопонятные для зарубежного читателя реалии России XIX века, полифонию сюжета и неразбериху с именами персонажей: не каждый японец отрождения знает, что Дмитрий, Митя, Митька и Митенька – это вообще-то одно и то же, а уж вникнуть в интенциональные нюансы говорящего ему не проще, чем прочувствовать Басё, не владея японским» [Волковский, 2008]. Новый вариант перевода, который и лег в основу дорамы, отличается легкостью и простотой, которая достигается путем адаптации стиля Ф. М. Достоевского под современный уровень читательского восприятия: «укорочены фразы;

сведены к минимуму сложноподчиненные и, по возможности, упрощены противительные конструкции. Обычная для прежних переводов густота иероглифов разбавлена более легкой для восприятия слоговой азбукой. Сделана более мелкая разбивка на абзацы, облегчающая для дотошного читателя возврат к уже пройденному тексту для восстановления логических связей и освежения в памяти сюжетной линии» [Волковский, 2008]. Показательно, что новый перевод снабжен своего рода «шпаргалкой» для читателя: закладкой с именами и описанием главных действующих лиц, а также «Пояснением для читателя», «из которого можно узнать, кто такие раскольники и юродивые, чем рубль отличается от копейки и что же все-таки имел в виду великий инквизитор» [Волковский, 2008]. По мнению критика, «действующие лица романа разговаривают на японском XXI века» [Волковский, 2008].

Обратим внимание, что новый перевод понравился не всем японским критикам и читателям: «Японское общество Достоевского» выступило против перевода Камэямы, упрекая его в недопустимом упрощении стиля, но именно этот адаптированный перевод вызвал наибольший читательский интерес к роману «Братья Карамазовы» в современной Японии. Камэяма объясняет успех своего перевода следующим образом: «В «Братьях Карамазовых» показана ничтожность лич-

ности в руках играющей с ним судьбы. Здесь видны аналогии с нашей эпохой глобализации. Человек оказывается зажатым между терроризмом и другими страшными трагедиями, с одной стороны, и зловеще-сумрачной информацией в интернете – с другой, чувствуя при этом свою никчемность» [Волковский, 2008]. Кроме того, адаптированный перевод ориентирован на современного массового читателя: «В прошлом этот роман был известен как вершина человеческого разума, однако с недавнего времени некоторые стали видеть в нем детективную историю об отцеубийстве» [Волковский, 2008].

Заключение

Таким образом, отметим, что японский сериал «Братья Карамазовы» обладает определенными художественными достоинствами, которые заключаются в парадоксальном прочтении текста русской классики.

Авторы дорамы, с одной стороны, обращаются к механизмам массовой культуры, в контексте которой происходит адаптация и осовременивание классического текста, а также перевод этого текста из пространства русской культуры в пространство культуры японской. Безусловно, данный подход к «Братьям Карамазовым» Ф. М. Достоевского актуализирует стереотипные представления о романе, упрощает и схематизирует сюжет и систему персонажей, лишает текст многозначности и многосмысленности.

Как отмечает Т. С. Злотникова, подобная работа с классикой приводит к тому, что «из разряда фундамента и контекста жизни она переходит в разряд “следов”. <...> И, на подсознательном уровне, эти следы закрепляются прочно, обживаются органично и входят стабильной составляющей в небогатый запас повседневно необходимых и привычных маскультовских ценностей» [Злотникова, 2008].

С другой стороны, анализируемый вариант киноинтерпретации «Братьев Карамазовых» предлагает современному отечественному зрителю обнаружить культурные коды японской культуры, которые лежат в основе новой парадигмы межкультурной коммуникации и трактовки классики в массовой культуре. По

мнению Б. Акунина, Ф. М. Достоевский в Японии «воспринимается как квинтэссенция “русскости”» [Камэяма, 2008], а Россия, в свою очередь, ассоциируется именно с Ф. М. Достоевским. Моделирование японского дискурса прочтения Ф. М. Достоевского демонстрирует трансформацию бинарной оппозиции «свой/чужой», в рамках которой творчество Ф. М. Достоевского традиционно воспринималось как «свое» для русской культуры и «чужое» для японской: «классика автоматически становится частью актуального медийного гипертекста, внутренняя логика которого может оказаться более значимой для экранизации, нежели ее сопоставление с традиционными трактовками» [Сальникова, 2016].

Библиографический список

1. Бережков Ф. Достоевский на Западе (1916–1928) // Нева. 2011. №5 // Журнальный зал URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/5/dostoevskij-na-zapade-1916-8211-1928.html>. (Дата обращения: 01.08.2022).
2. Бессонов Б. М. Творчество Ф. М. Достоевского в оценках русских и зарубежных писателей, деятелей культуры и философов // Вестник Омского университета. 2005. № 2. С. 5-14.
3. Волковский С. Достоевский банзай! // Огонек. 2008. № 29. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2301099>. (Дата обращения: 01.08.2022).
4. Енцов Ю. Японские родственники «Братьев Карамазовых» // Pravda.ru. 05.02.2013 URL: <https://cinema.pravda.ru/1143887-karamazof/>. (Дата обращения: 01.08.2022).
5. Ерохина Т. И. Сферы и уровни массовой культуры: российский дискурс / Т. И. Ерохина, Н. Н. Летина, Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 255-264.
6. Злотникова Т. С. Примирение с жизнью: «следы» классики в массовой культуре // Ярославский педагогический вестник. 2008. №1 (54). С. 86-91
7. Злотникова Т. С. Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ: учебное пособие / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина, Н. Н. Летина, Д. Ю. Густякова, Л. П. Киященко. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 227 с.

8. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/ivanov-dostoevskij-i-roman-tragediya.htm>. (Дата обращения: 01.08.2022).
9. Камэяма И. Как будто призрак Достоевского находится вместе со мной. URL: <https://newslab.ru/article/274242>. (Дата обращения: 01.08.2022).
10. Коды массовой культуры: российский дискурс / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 240 с.
11. Кончаловский А. Фрагменты из интервью Акиры Куросавы (2016). URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5532311/post411579920/>. (Дата обращения: 01.08.2022).
12. Макшеева Н. В. «Идиот» Ф. М. Достоевского в интермедиальной и кросс-культурной перекодировке А. Куросавы: мотивы, образы, символы, философское содержание / Н. В. Макшеева, Е. Э. Комарова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2021. Т. 15, №4. С. 56-67.
13. Масагүтова А. В. Достоевский в современной массовой японской культуре (на примере жанра аниме). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/dostoevskij-v-sovremennoj-massovoj-yaaponskoj-kulture-na-primere-zhanra-anime.html>. (Дата обращения: 01.08.2022).
14. Рехо К. Русская классика и японская литература. Москва : Художественная литература, 1987. 354 с.
15. Сальникова Е. В. Феномен «осовременивания» классики: к истории современных тенденций. URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2016-1-17/yazyki/4939.html>. (Дата обращения: 01.08.2022).
16. Солянкина О. Н. Соединение жанровых традиций в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Москва : РГГУ, 2013. 169 с.
17. Федякина А. Японцы многое любят в России // Российская газета: интернет-портал. 2013. URL: <https://rg.ru/2013/02/28/kommentarii-site.html>. (Дата обращения: 01.08.2022).
18. Федякина А., Хироюки Х. Сериал «Братья Карамазовы» стал главным хитом японского ТВ / А. Федякина, Х. Хироюки. URL: <https://rg.ru/2013/04/10/misatosato-site.html>. (Дата обращения: 01.08.2022).
19. A New Word on The Brothers Karamazov / Ed. by R. L. Jackson; With an introd. essay by R. F. Miller and a concluding one by W. M. Todd III. Evanston (HI.): Northwestern Univ. press, 2004. 261 p.
20. Alert S. The Reader's Responsibility in The Brothers Karamazov // Freedom and Responsibility in Russian Literature / Ed. by E. Ch. Allen, G. S. Morson. Evanston: Northwestern Univ. press, 1995. 306 p.
21. Belknap R. Memory in The Brothers Karamazov // Dostoevsky: New Perspectives / Ed. R. L. Jackson. Englewood Cliffs (N. J.). Prentice-Hall, 1984. 114 p.
22. Bogndr F. A Karamazovok hitelensege es Dosztojevszkij szellemi teljesitmenye: Antropológiai vzlatok. Szeged: József Attila Tudomnyegyetem, 1994. 448 p.
23. Faj A. I Karamazov tra Poe e Vico: genere poliziesco e concezione ciclica della storia nell'ultimo Dostoevskij. Napoli, 1984. 253 p.
24. Miller R. F. The Brothers Karamazov: Worlds of the Novel. N. Y. : Twayne Publ., 1992. 156 p.

Reference list

1. Berezhkov F. Dostoevskij na Zapade (1916–1928) = Dostoevsky in the West (1916-1928) // Neva. 2011. №5// Zhurnal'nyj zal URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/5/dostoevskij-na-zapade-1916-8211-1928.html>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).
2. Bessonov B. M. Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo v ocenках russkikh i zarubezhnyh pisatelej, dejatelej kul'tury i filosofov = F. M. Dostoevsky's work as evaluated by Russian and foreign writers, cultural figures and philosophers // Vestnik Omskogo universiteta. 2005. № 2. S. 5-14.
3. Volkovskij S. Dostoevskij banzaj! = Dostoevsky banzai! // Ogonek. 2008. № 29. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2301099>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).
4. Encov Ju. Japonskie rodstvenniki «Brat'ev Karamazovyh» =Japanese relatives of The Brothers Karamazov // Pravda.ru. 05.02.2013. URL: <https://cinema.pravda.ru/1143887-karamazof/>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).
5. Erohina T. I. Sfery i urovni massovoj kul'tury: rossijskij diskurs = Spheres and levels of mass culture: Russian discourse / T. I. Erohina, N. N. Letina, T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2016. № 5. S. 255-264.
6. Zlotnikova T. S. Primirenje s zhizn'ju: «sledy» klassiki v massovoj kul'ture = Reconciling with life: “traces” of the classical in mass culture // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2008. №1 (54). S. 86-91.
7. Zlotnikova T. S. Rossijskij diskurs massovoj kul'tury: jestetičeskie praktiki i hudožestvennyj obraz = Russian discourse of mass culture: aesthetic practices and fictional image : učeбноe posobie / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina, N. N. Letina, D. Ju. Gustjakova, L.P. Kijashhenko. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. 227 s.
8. Ivanov Vjach. Dostoevskij i roman-tragedija = Dostoevsky and the tragic novel. URL: <http://dostoevskij-lit.ru/dostoevskij/kritika/ivanov-dostoevskij-i-roman-tragediya.htm>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).
9. Kamnejama I. Kak budto prizrak Dostoevskogo nahoditsja vmeste so mnoj = As if the ghost of Dostoevsky is with me. URL: <https://newslab.ru/article/274242>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).
10. Kody massovoj kul'tury: rossijskij diskurs = Mass culture codes: Russian discourse / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. 240 s.
11. Konchalovskij A. Fragmenty iz interv'ju Akiry Kurosavy = Excerpts from an interview with Akira Kurosawa (2016). URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5532311/post411579920>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).
12. Maksheeva N. V. «Idiot» F.M. Dostoevskogo v intermedial'noj i kross-kul'turnoj perekodirovke A. Kurosavy: motivy, obrazy, simvoly, filosofskoe sodержanie = F. M. Dostoyevsky's “The Idiot” in A. Kurosawa's intermedial and cross-cultural recoding: motifs, images, symbols, philosophical content / N. V. Maksheeva, E. Je. Komarova // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija. 2021. T. 15, №4. S. 56-66.
13. Masagutova A. V. Dostoevskij v sovremennoj massovoj japonskoj kul'ture (na primere zhanra anime) = Dostoevsky in contemporary Japanese mass culture (based on the anime genre). URL: https://scipress.ru/philology/articles/dostoevskij-v-Японский_дискурс_творчества_Ф._М._Достоевского:_дорама_«Братья_Карамазовы»

sovremennoj-massovoj-yaponskoj-kulture-na-primere-zhanra-anime.html). (Data obrashhenija: 01.08.2022).

14. Reho K. Russkaja klassika i japonskaja literatura = Russian classics and Japanese literature. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1987. 354 s.

15. Sal'nikova E. V. Fenomen «osovremenivanija» klassiki: k istorii sovremennyh tendencij. = The phenomenon of “modernizing” classics: on the history of modern trends. URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2016-1-17/yazyki/4939.html>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).

16. Soljankina O. N. Soedinenie zhanrovych tradicij v romane F. M. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy» = The combination of genre traditions in F. M. Dostoevsky's novel The Brothers Karamazov. Moskva : RGGU, 2013. 169 s.

17. Fedjakina A. Japoncy mnogoe ljubjat v Rossii = The Japanese love a lot of things in Russia // Rossijskaja gazeta: internet-portal. 2013. URL: <https://rg.ru/2013/02/28/kommentarii-site.html>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).

18. Fedjakina A. Serial «Brat'ja Karamazovy» stal glavnym hitom japonskogo TV = “The Brothers Karamazov” series is a top hit on Japanese TV / A. Fedjakina, H. Hirojuki. URL: <https://rg.ru/2013/04/10/misatosato-site.html>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).

19. A New Word on The Brothers Karamazov / Ed. by R. L. Jackson; With an introd. essay by R. F. Miller and a concluding one by W. M. Todd HI. Evanston (HI.): Northwestern Univ. press, 2004. 261 r.

20. Alert S. The Reader's Responsibility in The Brothers Karamazov // Freedom and Responsibility in Russian Literature / Ed. by E. Ch. Allen, G. S. Morson. Evanston: Northwestern Univ. press, 1995. 306 r.

21. Belknap R. Memory in The Brothers Karamazov // Dostoevsky: New Perspectives / Ed. R. L. Jackson. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1984. 114 r.

22. Bogndr F. A Karamazovok hitelensege es Dosztojevszkij szellemi teljesitmenye: Antropológiai vdzlatok. Szeged: József Attila Tudomnyegyetem, 1994. 448 r.

23. Faj A. I Karamazov tra Roe e Vico: genere poliziesco e concezione ciclica della storia nell'ultimo Dostoevskij. Napoli, 1984. 253 r.

24. Miller R. F. The Brothers Karamazov: Worlds of the Novel. N. Y.: Twayne Publ., 1992. 156 r.

Статья поступила в редакцию 12.07.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 12.07.2022; approved after reviewing 06.07.2022; accepted for publication on 05.09.2022